

их Обинье, хотя они не знали, о чем идет речь. Испугавшись, Сегюр отправился к королю, но рассказал ему не о своем страхе, а о том, что будто Обинье открыто называл графиню де Гиш колдуньей, обвинял ее в отравлении разума короля, сопоставляя ее ужасную рожу со страшной любовью, которой она воспылала, и советовался с врачом Оттоманом о питье, чтобы расколдовать короля. Сегюр прибавил, что у гугенотского государя столько же надзирателей, сколько слуг. Он еще рассказал, что господин де Бельевр, живущий напротив дома графини, увидя, как она шла к мессе в сопровождении только сводника, шута, влюбленного в мавританку, слуги, обезьяны и пуделя, упомянул в беседе с Обинье о почестях, воздаваемых при дворе подругам королей, и спросил у него, неужели наваррские придворные потеряли честь и почему эта дама показывается со столь скверной свитой. «Дело в том, — ответил злоречивый человек, — что при дворе есть благороднейшая знать, но видите вы здесь только сводников, шутов, слуг, обезьян и пуделей».

После этого, совершив поездку в Пуату, Обинье был предупрежден ла Булэ и Констаном, чтобы он остерегался вернуться: графине и Сегюру обещана его смерть. Получив это письмо в Мон-Лье, он оставил там своих лошадей, пересел на почтовых и приехал. У дворца он увидел Булэ, который, в отчаянии ломая руки, стал умолять его уехать. Но Обинье, против обыкновения, привесил к поясу кинжал и, пройдя через потайные двери, застал врасплох короля и графиню, одних, в кабинете старой королевы. Король колебался, не зная, как принять Обинье. Тот даже в лице не изменился; пользуясь близостью к своему господину, он не чинясь, спросил его: «Что случилось, мой повелитель? Почему столь храбрый государь дает себя увлечь столькими сомнениями? Я приехал узнать, виноват ли я и хотите ли вы заплатить мне за службу, как славный государь или как тиран». Смутившись, король ответил: «Вы ведь знаете, что я вас люблю, но прошу вас успокоить Сегюра». Отправившись тотчас же к Сегюру, Обинье так потряс его упреками в подлости и видом кинжала, что Сегюр явился к королю со словами: «Государь, этот молодой человек честнее нас с вами». В доказательство примирения он велел выплатить Обинье причитавшиеся ему за его поездки две тысячи пятьсот экю, получить которые Обинье уже не надеялся.

Вернувшись к мужу, королева Наваррская примирилась со всеми, кроме Обинье. Тем не менее приглашенный на совещание лиц, замысливших убить королеву, он своими укорами расстроил эти замыслы; за это король его поблагодарил.

Вступая в брак, Обинье обязался купить в Пуату землю ле Шайю. Между тем секретарь Паризьер предупредил короля, что необходимо воспрепятствовать трем делам в этой области: браку принца де Конде из-за Тайбура, браку д'Обинье из-за Марсэ и браку ла Персонна из-за